

При обращении к термину "сталинская внешняя политика" неизбежно приходится определиться с тем, что данный термин означает, а также в какой мере и в каких рамках он соотносится или пересекается с терминами "внешняя политика РСФСР — СССР", "внешняя политика РКП(б) — ВКП(б) — КПСС" соответствующего исторического периода. Это далеко не простые вопросы и в хронологическом, и в смысловом отношении. Как известно, необходимую и достаточную полноту власти в партии большевиков и внутри Советского государства И.В. Сталин обрёл по итогам жёсткой политической борьбы только к началу 1928 года, после XV съезда ВКП(б), а полное и безусловное управление Народным комиссариатом иностранных дел СССР он получил только после замены М.М. Литвинова В.М. Молотовым на посту наркома в мае 1939 года. Лишь с этого момента существенная разница между отмеченными выше терминами стирается, а внешнюю политику СССР и ВКП(б) — КПСС можно считать полностью сталинской.

Означает ли это обстоятельство, что до 1939-го и тем более до 1928 года И.В. Сталин не касался проблем внешней политики ни на практике, ни в теории — и не вёл собственную внешнеполитическую линию? Конечно, не означает. Носила ли при этом его внешняя политика сугубо ситуативный и прагматический характер или же она

воплощала в себе некую систему принципов, некую "матрицу" международного и межгосударственного взаимодействия, которая определяла реализацию сталинской внешней политики в конкретных исторических условиях и являлась её сутью? А если такая "матрица" существовала, то в чём она заключалась и, соответственно, можно ли говорить о продолжении сталинской внешней политики в настоящее время и на будущее?

Разумеется, это не просто дискуссионная тема — дискуссионно даже само её существование, мол, какой смысл ворошить прошлое или тем более пытаться возродить к жизни давно ушедшее? А поэтому предлагается необходимым изложить или хотя бы обозначить некоторые соображения по данному поводу — с целью, скорее, поставить вопрос, чем попытаться дать ответ на него. Тем более что комплекс нынешних проблем российской внешней (и, соответственно, внутренней) политики — во всяком случае, об этом неоднократно заявляло высшее политическое руководство нашей страны — неразрывно связан с советским и даже досоветским периодом отечественной истории. В данном отношении тезис "Все мы вышли из сталинской шинели" и сегодня, через семьдесят с лишним лет после смерти Иосифа Виссарионовича, является чем-то большим, нежели просто остроумная метафора.

ных основ его деятельности. Собственно, сам лаудитив "отец народов", один из самых популярных применительно к Сталину при его жизни, не мог появиться и существовать на пустом месте: он фиксировал как знание Иосифом Виссарионовичем сложнейшего комплекса международных, международных и межгосударственных отношений, так и умение системно эти отношения выстраивать и ими управлять, что особым образом выделяло его среди других политических лидеров той эпохи и внутри партии большевиков, и внутри страны, и во всём мире. Знать — значит уметь!

Обычно, когда речь идёт о достижениях сталинской внешней политики, в обязательном порядке приводится несколько общеизвестных примеров. В их числе — создание ялтинско-потсдамской системы международных отношений, по-прежнему определяющей устройство современного мира в его ключевых экономических и политических параметрах, Победа 1945 года,

социалистическую революцию и её экспорта за рубеж, а после Второй мировой войны очень осторожно относился к такой перспективе применительно к различным государствам мира, включая европейские страны и их колонии (Индия и т. д.). но активно поддержал коммунистов Китая (равно как и коммунистов Кореи) в их стремлении возгласить процессы нацистроительства, придав этим процессам ярко выраженный антиимпериалистический и антиколониальный характер на основе (это принципиальный момент!) мощной собственной культурной традиции, опосредующей достижения мировой культуры, но не подражающей им, без чего успех подобных процессов был бы невозможен в принципе: избавиться от зависимости гораздо сложнее, чем попасть в неё. Да и речь внутри страны велась не о "советской нации", но о "многонациональном советском народе" как исторически новой общности людей, в которую "малые" европейские нации, сделавшие

нились по сравнению с реалиями первой половины XX века, однако это вовсе не повод предавать данную "матрицу" забвению или отказываться от неё. Напротив, необходимо развивать и раскрывать её суть применительно к современной ситуации), чего после 1953 года, во всяком случае в открытом отечественном коммуникативном пространстве, не делается. Последнее — следствие вовсе не чьей-то злой воли (данный фактор, конечно, присутствует, но не является определяющим), но обстоятельств пути, по которому движется и наше общество, и человеческая цивилизация в целом.

Ни для кого уже не секрет, что на рубеже 1960-х–1970-х годов началось заметное торможение и фрагментация развития человечества в целом, а научно-техническая революция всё в большей степени стала заменяться разговорами о научно-технической революции (за исключением разве что информационных и биологических технологий). В сфере политики это совпало с "разрядкой международной напряжённости", а в сфере идеологии — с различными вариантами "конвергенции" двух общественно-политических систем (включая теории "общества потребления", "постиндустриального общества" и т. д.). При этом реальный объём производимой человечеством информации рос по экспоненте, а доля производства идеального продукта (включаемого в так называемую "сферу услуг") в общих процессах производства-потребления тоже непрерывно увеличивалась. Соответственно, усиливались доля и значение производителей такого продукта, а также одновременно — кооперация и конкуренция между ними.

В настоящее время господство США и их западных сателлитов на рынке производства и потребления идеального продукта (информации в самом общем её виде, включая и мировые деньги) уже не является монопольным господством. Более того, здесь процессы замещения идут даже более быстрыми темпами, чем в экономике в целом. Если по показателю номинального ВВП доля "незападных" стран БРИКС за 2000–2022 годы выросла с 17,8% до 31,5%, а доля стран G7 — снизилась с 43,1% до 30,7%, то в сфере услуг доля БРИКС увеличилась с 9,3% до 20,1%, а доля G7 снизилась с 63,7% до 53,2%, причём КНР обогнала США и вышла на первое место в мире по объёму патентной информации.

Вероятность того, что "могильщиком" современной системы глобального капитализма (посткапитализма) в конечном итоге выступит не класс промышленного пролетариата, а некая (возможно, даже не англоязычная) общность производителей идеального продукта, в настоящее время выглядит гораздо более высокой, чем это было во времена Сталина — притом что в основу всех современных западных концепций "нацистроительства" и "демонтажа наций", до недавнего времени достаточно эффективно работавших во всём мире от Африки до России, так или иначе положена именно сталинская трактовка как коммуникативных общностей поднимающегося капитализма на основе "общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры..." Эти коммуникации либо направленно создавались ("державная розбуда" на Украине — самый яркий том, после итальянского фашизма и немецкого нацизма, пример), либо столь же направленно уничтожались ("демократические рыночные реформы" в СССР и России, а также современный российский политический "сепаратизм").

Однако заложенная ещё при Сталине культурная "матрица", в том числе внешнеполитическая, похоже, выдержала эти испытания и сегодня является основой того "мирового большинства", которое формируется как альтернатива западному "альянсу демократий" на основе российско-китайского стратегического взаимодействия при подключении к нему крупнейших незападных стран мира и на фоне всё более явного системного кризиса глобализма по-американски. Поэтому нет смысла удивляться тому, что внешняя политика современной России по многим важнейшим параметрам, при всей разнице социально-экономических основ жизни государства и общества, совпадает со сталинской внешней политикой 1939–1953 годов. И будем надеяться на то, что нашей стране удастся достойно продолжить то, что, казалось бы, завершилось со смертью Иосифа Виссарионовича.

Владимир ВИННИКОВ

вопросы сталинизма

Доклад, присланный на конференцию «Вождь и народ»

расширения контуров своего влияния и ослабление конкурентов, поэтому формирование новых систем уровня наций и национальных государств, которые по всему комплексу их параметров являлись бы независимыми и суверенными, то есть едиными и цельными, становилось всё более сложной задачей. Последними относительно успешными примерами нацистроительства классического "буржуазного" типа можно считать создание Германской империи 1866–1870 годов и революцию Мэйди в Японии 1868–1869 годов, причём Страна восходящего солнца вплоть до 1931 года и после 1945 года (уже вместе с разделённой по итогам Второй мировой войны Германией) была вынуждена следовать в своём развитии за "старыми" нациями. К итальянскому Рисорджименто, прошедшему в 1848–1870 годах с огромной "помощью" внешних центров влияния в лице Великобритании и Франции, в данном отношении вопросов ещё больше. Не говоря уже о "весне народов" 1848 года или о более ранних "пробах британского пера" наполеонов Бельгийской и Французской революций 1830 года, которыми по факту был аннулирован Священный союз европейских монархий, заключённый по итогам Наполеоновских войн на Венском конгрессе 1815 года.

В конце XIX — начале XX века (особенно после американо-испанской войны 1898 г. и русско-японской войны 1904–1905 гг.) эти процессы стали настолько очевидны, что нашли своё выражение в особом понятии-термине "империализм", под которым подразумевался определённый комплекс финансово-экономических и военно-политических характеристик ряда государственных акторов ("великих держав") того времени. Этот комплекс впервые с достаточной полнотой и точностью был описан В.И. Лениным в работе "Империализм как высшая стадия капитализма", написанной в 1916 году в разгар Первой мировой войны. В известном ленинском определении все пять пунктов касались международных аспектов феномена империализма, но три из них — в особенности: а) вывоз капитала (в другие, прежде всего зависимые, государства "периферийного" капитализма); б) образование международных монополистических союзов, делающих мир между собой; в) полный территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Кроме того, Ленин рассматривал империализм как "эксплуатацию всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций". Наличие такой "неравномерности развития капитализма" стало главной теоретической основой для Октябрьской революции 1917 года, а затем — и для концепции "строительства социализма сначала в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране".

Некую иронию истории здесь можно усмотреть в том, что важнейшей чертой феномена эпохи, заявленной как эпоха

империализма, оказалось разрушение империй: сначала, по результатам Первой мировой войны, "традиционных" (Австро-Венгерской, Османской, Российской и Германской, которая в добавок к потерям 13% своей основной территории утратила также все "заморские" колонии), а затем, по результатам Второй мировой войны, — и собственно колониальных (Бельгия, Италия, Нидерланды, Соединённое Королевство, Португалия, Франция, Япония и т. д.). Отсюда следовало, что в условиях империализма процесс нацистроительства либо приобретает зависимый от внешних систем характер (что нашло своё предельное выражение в замене национальных революций цветными), либо требует решающего и руководящего участия иных, чем местная буржуазия, общественных сил. Опыт русской революции 1917 года и последующей советской, а также других (включая китайскую, индийскую, кубинскую и др.) попыток нацистроительства свидетельствует это со всей очевидностью.

Сданных позиций особое значение приобретает связь внешнеполитических принципов И.В. Сталина с принципами его национальной политики, которая до сих пор рассматривалась, по уже отмеченным выше причинам, прежде всего в свете и как составная часть внутренней сталинской политики, от создания "союзных республик-сестёр" до "репрессированных народов". Хотя в этой парадигме взаимодействия в рамках разных стран выступают всего лишь разными формами, по сути, одного и того же типа системных взаимодействий, что хорошо видно на примерах отношений Советской России, а затем и Советского Союза с государствами, возникшими "на обломках" Российской империи: Польшей, Финляндией и балтийскими республиками, — или отношений нынешней Российской Федерации с бывшими союзными республиками СССР, которые после 1991 года обрели (разумеется, включая Украину) статус "новых независимых государств".

Первой крупной теоретической работой И.В. Сталина традиционно считается опубликованная в 1913 году книга, которую мы сегодня знаем под названием "Марксизм и национальный вопрос", а одной из последних — "Марксизм и вопросы языкознания", увидевшая свет в 1950 году. Данные работы разделены между собой более чем третьёе века, двумя революциями, Гражданской войной и двумя мировыми войнами, но, как явствует уже из их названий, а в ещё большей мере — из их содержания, тесно связаны между собой. До сих пор этой связи не придавалось какого-либо особого и даже самостоятельного значения, однако само её наличие подчёркивает, что данная проблематика не только входила в круг постоянного интереса "отца народов", но и, судя по всему, была одной из фундаменталь-

благодаря которой данная система стала реальностью, утверждённой волей держав-победителей во Второй мировой войне, союз с США и Великобританией, заявленный в Декларации Объединённых наций 1 января 1942 года и ставший основой ООН, в рамках которой СССР получил, наряду с США, Великобританией, Францией и Китаем, особый международно-правовой статус, формирование "мировой системы социализма", переживший разрушение СССР, Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора (впрочем, ОВД — детище уже не сталинской внешней политики, но внешней политики его "преемников"). Но, стоит повториться, всё это и многое другое — лишь следствие и результат реализации тех идейных и теоретических принципов, которые лежали в основе деятельности Сталина на международной арене и во многих аспектах продолжал оставаться актуальными и сегодня. Что это за принципы?

Если сопоставлять с ленинской концепцией империализма понимание наций, сформулированное Сталиным в уже отмеченной выше работе "Марксизм и национальный вопрос": "Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации... Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию... Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма..." — то станет очевидным, что Сталин не ограничивался представлениями об истории прежде всего как о борьбе классов, а о любой политике, внутренней и внешней, — лишь как о формах проявления такой борьбы, пусть даже в различных, но по сути второстепенных обстоятельствах места и времени. Кроме того, сталинское признание наций и, соответственно, процессов нацистроительства в качестве важного признака ("исторической категории") эпохи поднимающегося капитализма находится в определённом внешнем противоречии с характеристикой империализма как формы паразитического и загнывающего капитализма, кануна социалистической революции. Можно сказать, что последующее развитие исторических событий показало, что общая сталинская оценка потенциала и перспектив мировой системы капитализма оказалась "в моменте" более обоснованной и точной, чем прогнозы её скорого загнывания и развала.

На это обстоятельство можно указать как на одну из важных причин того, что Сталин сумел отказаться от тезиса о необходимости перманентного перерастания русской революции во всемирную

вынужденный для себя "социалистический выбор" после 1945 года, включать не торопились ни при Сталине, когда они именовались странами "народной демократии", ни после Сталина (хотя по несколько иным соображениям). Сюда же можно отнести и такой внутриполитический по форме момент, как борьба против "космополитизма" и "низкопоклонства перед Западом", и такой внешнеполитический по форме момент, как борьба против "плкии Тито" в послевоенной Югославии.

Подобные различия, как представляется, вытекали из сути сталинского понимания и внешней, и внутренней политики, из признания им системного значения для бытия и развития человеческих сообществ не только комплекса социально-экономических факторов "базиса" производительных сил и "надстройки" производственных отношений, но и — во взаимодействии с ними — таких "идеальных" факторов (вернее, факторов производства идеального продукта), как язык и "психический склад, проявляющийся в общности культуры". Более того, преобразование капиталистических (национальных) государств в социалистические признавалось возможным только в результате их длительного развития, в том числе культурного, с последующим "снятием" товарно-денежных отношений, в рамках которых конкуренция в экономике порождает монополию точно так же, как в политике демократия порождает диктатуру. При этом "рабочему классу" как таковому предстояла существенная, даже сущностная, трансформация с таким же "снятием" межэтнических отношений. Разумеется, ни о каком "построении коммунизма в одной, отдельно взятой стране", да ещё к точному сроку "до 1980 года", речи не шло и идти не могло. Союз Советских Социалистических Республик Сталин считал далеко не образцом, а "пробором будущего объединения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве" (статья "Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября", 1927 г.), а в речи на XIX съезде КПСС (октябрь 1952 г.) призывал коммунистов и демократов всех стран поднять два знамени: буржуазно-демократических прав и свобод, а также национальной независимости и национального суверенитета, которые, по его словам, были буржуазией проданы за доллары и выброшены за борт. Вопрос о том, почему эти призывы не нашли видимого воплощения на практике, как представляется, стоит вынести "за поля" настоящей работы.

Возможно, терминологию, которую Сталин использовал при описании своей "матрицы" международных, международных и межгосударственных отношений, следует изменить (в соответствии с китайским принципом "исправления имён"), поскольку за прошедшее время мир и наш объём знаний о нём существенно изме-

ОБРАЗОВАНИЦА

О проблемах Основного государственного экзамена

В прошлом году на российско-белорусской конференции "Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности" я сделал доклад на тему "Не стоит возвращаться в XVI век". Лучше двигаться вперёд, а не назад! Именно в этом я убеждал слушателей.

Впрочем, есть и другие мнения. В 1927 году автор "Чёрного квадрата" К. Малевич подарил поэту Д. Хармсу книгу с подписью: "Идите и остановите прогресс". В 1924 году выдающийся философ Н.А. Бердяев в книге "Новое Средневековье" писал: "Старый мир новой истории (онто, именующий себя всё ещё по старой привычке "новым", сосратился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый ещё новый мир... Эпоху нашу я условно обозначая как конец новой истории и начало нового Средневековья". Ключевое место в этом мире должна была занять религия...

Можно обратить внимание и на книгу известного философа Ф.И. Гиренка 2021 года: "День — это Возрождение. Ночь — это Средние века... В ночи появляется хозяин. И вера... В ночи возникает империя... В момент, когда схлопнется радужный пузырь экономики, мы узнаем, что пришла ночь и пора разрушать идею культа денег. Так мы узнаем, что пришло время империи нового Средневековья".

Веком взлёта науки и технологий было XVII столетие. Именно в это время в обществе изменилось отношение к числам. "Умножение — моё мучение, а деление — моя беда", — стонали студенты средневековых университетов. Им были недоступны многие задачи, которые сегодня решают наши пятиклассники.

Пророк Нового времени Галилео Галилей провозгласил: "Измерить всё, что измеримо, и сделать измеримым то, что таковым не является". По этому пути мы шли четыре века и довольно далеко продвинулись. Математика — наука свободы. Можно не верить учительнице Мариванне, а доказывать. И эти аргументы поймут и друзья, и враги. Как говорил великий Лейбниц в XVII веке: "Не будем спорить, давайте посчитаем".

Грустно делать печальные прогнозы. И совсем не радует, когда они исполняются... Демоверсия экзамена на общегосударственном экзамене ОГЭ по математике для 9 класса,

выложенная Федеральным институтом педагогических измерений (ФИПИ), гласит: "Участник экзамена разрешается использовать: непрограммируемый калькулятор (для каждого ученика) с возможностью вычисления тригонометрических функций, линейкой, не содержащую справочной информации, ...справочные материалы, содержащие основные формулы курса математики образовательной программы основного общего образования".

Много лет это служило большим подарком для бездельников и приближало нас к Новому Средневековью. Бог с ней, с этой арифметикой (и слово-то какое-то длинное!), со сложением, умножением, делением, вычитанием (не много-ли же действий для одного бедного ученика?!), натуральных чисел, обыкновенных и десятичных дробей (куда их столько?). Уже сейчас дела обстоят не очень, а какими они будут после такого ОГЭ?

ЛАРЧИК ОТКРЫВАЕТСЯ просто. В школе имеет место развал, не хватает учителей. Экзамен пишут плохо, значит, надо его облегчить. Детей ведь надо как-то выпускать. Проблема в том, что это единственный школьный экзамен, где проверяется знание арифметики. Если не будет его, то что же останется? "Жи" и "ши" пиши с буквой "и"?

Один мой знакомый третьеклассник возражал маме, доказывавшей, что двойка по арифметике — это не здорово: "В древности почти все были рабами. Потом большинство стало рабами, а в будущем все станут программистами. И я буду программистом". Устами младенца глаголет истина. Видимо, мой знакомый предвидел, что на экзаменах по математике будут калькуляторы.

С работой сейчас нелегко. В издательство, с которым я имею дело, регулярно приходят люди, предлагая свои услуги. Прежде чем обсуждать конкретку, им дают маленькую контрольную уровня ОГЭ. Первая задача в ней такова: "Сколько будет 2/3 + 3/5? Калькулятором пользоваться нельзя. Примерно 80% претендентов объясняют, что это очень простая задача, что они проходили всё это в школе, просто сейчас не помнят, то ли числители надо складывать с числителями, то ли

знаменатели со знаменателями. А ответ вечером пришлют по интернету...

Вместе с тем это международный уровень. Помнится, академик В.И. Арнольд, преподававший французским студентам, с возмущением рассказывал о своём диалоге с ними:

— И сколько же будет 2+3?
— Столько же, сколько 3+2.
— И сколько это?
— Сейчас посмотрим на калькуляторе.

Против международности не попрём.

Пожую ситуацию прекрасно описал Марк Твен в книге "Янки при дворе короля Артура". Там рассказано, как американец XIX века попадает в Средневековье (VI век), и в конце концов ему велят найти и освободить пленниц, путь к которым покажет девушка Сэнди. Янки спрашивает, сколько лиг в пути, который им предстоит проделать. И она объясняет, что сказать не может, потому что одни лиги наполозуют на другие, и всё путается. Видимо, всё дело в том, что у девушки не было ни ОГЭ, ни калькулятора.

Так и хочется воскликнуть, памятья Городничего из "Ревизора" (кстати, он есть в ОГЭ?): "Чему смеётеесь? — Над собой смеётесь!". Бисмарк толковал, что войны выигрывают приходской священник и школьный учитель. Со священниками всё в порядке — церковь, по данным Росстата, сейчас в России больше, чем средних школ. Но учителя-то чему будут учить при таком ОГЭ?

Вклад нашей страны в глобальный продукт составляет менее 3%, а в сфере высоких технологий — менее 0,3%. По глобальному инновационному индексу в 2021 году наша страна занимала 45-ю позицию в мире. По международному тесту PISA, оценивающему уровень знаний 15-летних ребят, наши школьники находятся в четвёртом десятке. Надо идти вперёд, а не назад!

Президент РФ считает, что наш главный враг — отставание от ведущих стран в технологическом пространстве, и ставит задачу его сократить. Сократить — это значит уменьшить, а не увеличить. Может быть, сотрудникам ФИПИ это станет яснее, если они попробуют разобраться в этом с калькулятором?

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ

На переднем плане — один из будущих авторов реформы образования в РФ. Картина «Опять двойка» художника Фёдора Решетникова (1952 г.)